

Что ни проект, то катастрофа

Даниэль Либекинд в Берлине

Коммерсантъ. — 2003. — 11 июля. — с. 21.

Выставка архитектура

В Берлине в Музее еврейского народа проходит выставка Даниэля Либекинда, автора этого музея и победителя конкурса на реконструкцию WTC в Нью-Йорке. Даниэль Либекинд долгое время относился к числу архитекторов-концептуалистов, не строящих, но производящих манифесты и выставки. На выставке побывал ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

На входе вам очень настоятельно предлагают аудиогид с наушниками, и если вы отказываетесь, вам его все равно дают. Работает это устройство следующим образом. К традиционным макетам и очень небольшому количеству проектной графики господин Либекинд добавил большие экраны, где он сам дает разнообразные интервью. Рядом с концептуальными графическими композициями, изображающими бруновское движение, он рассказывает про Демокрита и Парменида, рядом с проектом реконструкции Потсдамерплац ходит, размахивая руками, по тогда еще пустырю Потсдамерплац, рядом с проектом WTC, стоит над дырой Ground Zero и ласково туда поглядывает. При этом пока ты не подойдешь к экрану — он пустой, и голос не слышен, экранный Либекинд оживает, только когда ты подходишь ближе с антенкой своего аудиогиды. Если тебе надоело слушать и ты чуть отходишь, он замолкает.

Но не все так просто, потому что если замолк один Даниэль Либекинд, то включается другой, с соседнего экрана, и бойко, напористо разговаривает. А стоит отпрыгнуть назад, и тебе в спину просыпается первый. Сначала это воспринимается с интересом, но постепенно начинаешь испытывать чувство зашуганности Либекиндами. Выключить гид нельзя, можно только снять наушники, но это мало помогает, потому что в таком случае Либекинд болтает с экрана и машет оттуда руками беззвучно, приобретая известное сходство с Чарли Чаплином. Все пространство выставки оказывается заполненным обрывками его слов и жестов, как будто испытывающий недостаток в общении человек бежит вокруг тебя кругами, то заскакивает вперед, то выныривает из-за плеча, и все время норовит рассказать что-то самое главное. С трудом, ощупью удается найти зигзагообразную траекторию, в которой антенка не дотягивается до уловительного устройства, и Либекинд спит. Шаг влево, шаг вправо — он опять за свое.

Проект застройки Потсдамерплац выглядит следующим образом. Площадь застраивается какими-то объемами, которые режут это пространство, подобно хаотической штриховке, под разными углами, насканивая друг на друга и на тебя. Впечатление довольно страшное, но оно все же несравнимо с тем страхом, который испытываешь, рассматривая на экране еще не застроенную Потсдамерплац. Вопреки всеобщим восторгам архитекторов от Потсдамерплац, как раз сейчас празднующей свое пятилетие, должен сказать, что, на мой взгляд, это ужасное место, напоминающее химкинские поля вокруг мебельного центра «Гранд», только не со стороны Ленинградки, а сзади. Правда, зады центра «Гранд» лучше в том отношении, что там это просто пустырь, а Потсдамерплац — место не пустое, а потерянное — разбомбленное вдрызг союзниками, а потом окультуренное тридцатью годами Берлинской стены. У этого места нет памяти, но при этом она была, и, находясь там, даже после работ Ренцо Пьяно и Хельмута Яна, до

сих пор испытываешь почти физическую неприятность мучения от склеротического распада территории.

И вот на экране в характерно берлинскую серо-промоглую погоду движется из восточной части Берлина в западную Даниэль Либекинд. Он показывает на пустырь, на лысоватый глинистый газон и говорит: «Вот здесь был дом, вот здесь ходил трамвай. Или не здесь, а вот здесь. На самом деле мы уже, конечно, не знаем, где ездил трамвай. Тут было очень много трамваев, крупнейший пересадочный пункт, все они куда-то ехали, туда, сюда, вбок. Где-то, наверное, здесь». Он все время выбрасывает руки в разные стороны, будто штрихует газон, хаотически разбрасывая отрезки. А потом по линиям этих жестов у него встают здания, такие же быстрые, непрорисованные, как сами жесты. Нервные, угловатые, необязательные, но при этом как-то заполняющие зияние пустыря. Когда рассматриваешь макет площади, кажется, что вся она обегана архитектором, что он выскакивает со всех сторон, всюду оставляет следы скорей-скорей бежит дальше, самой быстротой движения пытаясь вытеснить окружающую пустоту.

В строгом смысле слова это не урбанистика, здесь нет ни функциональной, ни экономической составляющих. Здесь есть только образ города, но образ запоминающийся. Сначала кажется, что идеи архитектора Либекинды близки нашему московскому средовому подходу, где пустоты старых московских районов стремятся заполнить какими-то несуществующими следами исчезнувших поколений. Но есть существенное отличие. Перед нами не восстановление памяти места, но восстановление его склероза.

Каждое здание, каждая линия помнит: что-то здесь было, но что именно — сейчас уже не скажешь. В результате возникает пространство куда более трагичное и опасное, чем в средовом подходе. Оно само себя ставит под сомнение, про каждую его часть можно сказать: это было не так. И в отличие от средового подхода мы сталкиваемся не с попыткой опереться на какую-то истину, но с пространством, осознающим ложность любой опоры.

Тот же принцип лежит в основе всех градостроительных проектов Даниэля Либекинды. Точно так же он предлагает застраивать и Александерплац в Берлине, и именно в контексте этих проектов становится понятен его проект реконструкции WTC. Он опирается не на следы чего-то бывшего на этом месте, но на дискомфорт памяти, в которой следы стерлись, а их места остались. Это градостроительство, возможное только в особо неблагоприятных точках земной поверхности, таких, как разрушенный на 70% Берлин или взорванный WTC. Но в этих точках оно действует удивительно сильно.

В конечном счете, что остается на месте после того, как на нем произошла катастрофа? Человек, который, пытаясь рассказать, что здесь было, бежит вокруг тебя кругами, то заскакивает вперед, то выныривает из-за плеча, и все время норовит рассказать что-то самое главное, понимая, что ничего не выйдет. Либекинд, видимо, единственный из сегодняшних архитекторов-звезд, кому удается создавать не только пространство аттракциона, но трагическое пространство. И я бы сказал, он самым точным образом выражает состояние сегодняшней архитектуры. Это архитектура, забывшая о том, какой она должна быть, но еще помнящая, что она об этом забыла.

208